

Итак, человеческое достоинство признается важнейшей конституционной ценностью, благодаря которой осуществляется легитимация института прав человека. Достоинство признается важнейшей ценностью, которая является абсолютной, а потому защита человеческого достоинства подобно праву на жизнь не может быть ограничена.

1. Бабенко А.Н. Правовые ценности и освоение их личностью. М. [б. и.], 2002. 395 с.
2. Ветютнев Ю.Ю. Аксиология правовой формы. М. : Юрлитинформ, 2013. 200 с.
3. Горобец К.В. Аксиосфера права: философский и правовой дискурс. Одесса : Феникс, 2013. 218 с.
4. Алексеев Н.Н. Основы философии права. СПб. : Лань, 1999. 252 с.
5. Радбрух Г. Философия права. Київ : Тандем, 2006. 316 с.
6. Дигесты Юстиниана. Титул I. Справедливость и право. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pravo/digest/01.php (дата обращения: 12.04.2019).
7. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс] : принята резолюцией 217 А (III) Генер. Ассамблеи ООН от 10 дек. 1948 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 12.04.2019).
8. Горобец К.В. Правові цінності // Велика українська юридична енциклопедія : у 20 т. Т. 2. Загальна теорія права. Харків : Право, 2017. 1128 с.
9. Погребняк С.П. Основоположні принципи права (змістовна характеристика). Харків : Право, 2008. 240 с.
10. Хабермас Ю. Концепт человеческого достоинства и реалистическая утопия прав человека // Вопр. философии. 2012. № 2. С. 66–80.
11. Kirste St. Einführung in die Rechtsphilosophie. Darmstadt : WBG, 2010.
12. Хартия Европейского Союза об основных правах. Торжественная декларация [Электронный ресурс] (Ницца, 7 дек. 2000 г.). URL: <http://eulaw.ru/treaties/charter> (дата обращения: 12.04.2019).
13. Алекси Р., Бергман В. Понятие и действительность права (ответ юридическому позитивизму). Приложения. М. : Инфотропик Медиа, 2011. 192 с.
14. Решение Конституционного Суда Украины от 23 мая 2018 г. № 5-р/2018. URL: <http://www.ccu.gov.ua/novyna/uhvaleno-uhvaleno-rishennya-konstytuciynogo-sudu-ukrayiny-no-5-r2018> (дата обращения: 12.04.2019).
15. Еллинек Г. Система субъективных публичных прав. СПб. ; М. : Освобождение, 1913. Вып. 1. 16 с.
16. Избранные решения Федерального Конституционного Суда Германии. М. : Инфотропик, 2018. 1048 с.

УДК 340.1

*Л.О. Мурашко, доктор юридических наук, доцент,
заместитель начальника экспертно-правового управления
Конституционного Суда Республики Беларусь*

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ АКСИОЛОГИИ В КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОМ КОНТЕКСТЕ

Вопросы правовой аксиологии в современных исследованиях активно разрабатываются прежде всего в рамках конституционной аксиологии, получившей в последнее время новый импульс благодаря развитию теории конституционного правосудия.

К родоначальникам аксиологической концепции права в русле русской духовной традиции относят известных философов второй половины XIX – первой половины XX в. Л.А. Тихомирова и И.А. Ильина. Русская дореволюционная философская и правовая мысль, направленная на поиск наиболее оптимальной модели взаимодействия личности, общества и государства (труды Н.Н. Алексеева, П.И. Новгородцева, Н.А. Бердяева, И.А. Ильина и др.), длительное время была недоступна и не востребована в силу многих причин и поэтому соответствующее признание получает в настоящее время.

Исчезнувшая из советской «карты права» правовая аксиология получила свои первые попытки «освоения» в конце 1960-х – середине 1970-х гг., в период, когда марксистско-ленинское философское наследие стало переосмысливаться (работы С.С. Алексеева, Ю.А. Демидова, В.Н. Кудрявцева, П.М. Рабиновича, В.П. Тугаринова, Ф.Н. Фаткуллина и Л.Д. Чулюкина и др.).

В современной правовой науке ценностный подход к праву получил новое развитие благодаря конституционалистам. Из российской ценностно-правовой традиции исходят в своих трудах такие известные правоведы, как С.С. Алексеев, Н.В. Варламова, В.Г. Графский [1], Д.А. Керимов, В.С. Нерсесянц и др., а также конституционалисты В.Н. Витрук, В.Д. Зорькин, Н.В. Бондарь, В.И. Крусс, Е.А. Лукашева, Б.С. Эбзеев и др. Правовой аксиологии посвящены работы А.Н. Бабенко, И.Д. Мишиной, В.Е. Пшидатка, И.В. Тимошкиной, О.И. Цыбулевской и др.

Представляется, что и белорусская правовая наука в определенной степени отошла от «методологического монизма»; философы осмысливают аксиологические аспекты становления национальной идентичности, национальной культуры и др. [2–5].

Познавательный потенциал аксиологического подхода к праву для всех стран постсоветского пространства, в том числе Беларуси, выражается в преодолении узости нормативизма и позитивизма, формально-догматической методологии, обусловивших односторонний подход к праву. Следует согласиться с Ю.Е. Пермяковым, который указывает, что «неизбежно возникает ситуация, когда на роль права претендует любая система санкционированных государственной властью норм, а на роль государства – любое организованное сообщество, нуждающееся в легитимации и практикующее организованное насилие» [6]. Ценностный подход к праву дает возможность исключить определение указанного состояния общества как правового.

Ценности в общей системе регуляции общества всегда играли значительную роль, обуславливая возникновение представлений об идеальных моделях социального взаимодействия. Ценность антропоцентрична, поскольку оценка явлений материальной и духовной сферы,

оценка свойств бытия без человека невозможна, и объективна в отношении к обществу, если сама жизнь (выживание) такого общества (сообщества) предполагает осознанное или неосознанное следование данной ценности в целях сохранения самого существования. Несмотря на конкретно-исторический характер, ценности воплощают общие универсальные значимости, что предопределяет их объективный характер. Они есть «то онтологическое основание, которое позволяет отделить одну цивилизационную общность от другой» [5].

Ценность выступает как особая идеальная сущность, критерий социально признанного, и общество формирует на ее основании должное, социокультурные образцы, модели поведения (и в конце концов соответствующую этому алгоритму, восходящему к ценностям предпочтениям, социальную практику), которые в силу значимости (в зависимости от уровня ценностного наполнения своего содержания) получают правовую форму. Правовая форма порождается необходимостью в защите ценности, которая существует объективно, независимо от выражения в праве, подключения к системе регулирования общественных процессов.

Конкретно-исторический характер ценностей обосновывается многими историческими и историко-правовыми исследованиями. Например, справедливость, лежащая в основе норм права, носит конкретно-исторический характер, что очевидно прежде всего в рамках сравнительно-правового подхода. Не случайно Р. Давид подчеркивал, что общие принципы права отражают подчинение права велениям справедливости в том виде, как она понимается в определенную эпоху в определенный момент [7].

Утверждая ценностные предпочтения в социальном взаимодействии, законодатель часто непосредственно указывает в юридическом тексте социальную ценность, которая, обретая определенность и «обозначенность» в объективированном праве, действует как руководящая и направляющая идея, максимально обобщенное указание субъектам права, т. е. как принцип права. По этой причине правоведы долгое время не использовали понятия ценности. При этом в ставших классическими трудах по теории права и государства С.С. Алексеева, Л.С. Явича, М.И. Байгина выделяются общесоциальные и специально-юридические принципы. Н.В. Варламова прямо указывает, что под названием принципов права в литературе, как правило, приводится «набор благих пожеланий» наподобие гуманизма, демократии, справедливости и т. д., которые выступают как «преимущественно этические установки» [8].

Обозначать в качестве принципов различные явления можно только с определенной долей условности: в одном случае это социальные ценности, выступающие как основания правовой формы, в другом — закономерности функционирования права как системы нормативного

регулирования. Именно данное обстоятельство объясняет разделение принципов права на два вида с исключением социокультурных принципов как «общесоциальных начал права» [9] из принципов права вообще, поскольку часто подчеркивается, что «принцип права формулирует идеал, т. е. идеальный образ желаемой правовой действительности» [10].

О том, что социальная ценность, отраженная в праве, становится его принципом, получает в нем как бы второе рождение, писал еще В.Н. Кудрявцев [11]. Однако следует уточнить, что ценность не становится принципом права, а находит свое обеспечение и защиту в правовой форме — в виде внешне объективированного источника права, т. е. принципа, и, как уже отмечалось, благодаря правовой форме действительно обретает второе рождение. Исходные ценностные основания находят свое закрепление чаще всего как принципы.

Автор не разделяет подхода, при котором предпринимается попытка вычленив из правового текста понятия, обозначающие социальные ценности, назвав их на этом основании правовыми ценностями. В данном случае происходит смешение формы правовой нормы (в рассматриваемой ситуации статьи закона, иного нормативного правового акта) и ее содержания с указанием на «принадлежностную» характеристику как на сущностную. Во избежание этого необходимо помнить, что правовая норма представляет собой перевод ценностных ориентиров на правовой язык — язык конкретной формально-определенной регуляции, которая в современной письменной цивилизации в своей внешней форме представлена позитивным правом. Прямое указание в правовом тексте социальных ценностей (закрепление, формулирование средствами позитивного права) привычно прежде всего для конституционной нормативности. Тем самым упрек в декларативности конституционных норм — это обратная сторона их восхождения в силу особой своей природы к ценностям общества.

Прямо указывая социальную ценность в письменном тексте, в законе (как правило, в преамбуле или первых статьях), обозначая ценностные основания непосредственно до установления далее развернутой модели регулирования, законодатель подчеркивает их особую значимость и необходимость воплощения посредством применения сформулированных статей нормативного правового акта.

Динамика функционирования ценностей в достаточной степени проанализирована в философской литературе. Можно представить указанную динамику как своеобразный «ценностный круг». Исходя из степени восхождения к ценности устанавливается, является ли конкретная социальная практика эффективной, модель регулирования (должное) значимой для общества, требуются ли обеспечение и защита посредством правовой формы. Далее в зависимости от того, насколько правовая норма

обеспечивает, воплощает в жизнь ценность во взаимодействии, определяется, достигает ли правовое регулирование своей цели, выявляется эффективность правовой нормы. Получившая правовую форму модель регулирования реализуется, развивается и тем самым влияет на социальную ценность, усиливает ее значимый характер. Эффективное функционирование указанного «ценностного круга» имеет ключевое значение для эффективной социальной регуляции.

Следует подчеркнуть, что восхождение к ценностям определяет степень легитимности той модели правового регулирования, которую предложил законодатель. Такая необходимая характеристика закона (нормативного правового акта), как легитимность, неразрывно связанная с его социальным признанием, позволяет характеризовать ценность как легитимирующее основание правовой формы.

Взаимодействие индивидов на основе норм (традиций и обычаев) исторически ведет к отбору и закреплению тех из них, которые принимает большинство: общество признает их, одобряет и в итоге защищает посредством правовой формы как наиболее эффективной в системе социальной регуляции. Историческая эволюция ценностей и их иерархия, соотношение по значимости менялись на протяжении тысячелетий. Цивилизационный подход позволяет обосновать социокультурные истоки ценностей. Право в силу своих сущностных характеристик – нормативности, определенности, формальности, легитимности, всеобщности – обеспечивает их наиболее полную и эффективную защиту. Получая «поддержку» в виде правовой формы, социальная ценность приобретает особые качества, становится феноменом правосознания, что, в свою очередь, выводит ее на новый уровень в собственной социальной реальности. Правоведы традиционно говорят о правовых ценностях, которые, тем не менее, не образуют самостоятельных феноменов, а представляют собой одну из возможностей обеспечения функционирования в обществе социальных ценностей.

Ценностная составляющая человеческого бытия предопределяет необходимость правовой формы регулирования общественных отношений, детерминирует ее содержание, является критерием ее легитимности и эффективности.

Особым документом, целью которого является прямое обозначение социальных ценностей для установления необходимости соответствия им любой правовой конструкции, является национальная конституция. В связи с закреплением ценностей непосредственно в конституционном тексте введен термин «конституционные ценности», который указывает прежде всего на «принадлежность» ценности – выражение посредством определенной правовой формы, эксплицирующей ценность. Таким образом проявляется аксиологическая функция конституции: посредством закрепления в акте высшей юридической силы общество объявля-

ет о своих ценностных приоритетах, различные социальные группы приходят к компромиссам, вырабатывая систему, способную обеспечить равновесие общества и его устойчивое развитие.

Проблематика конституционных ценностей разработана прежде всего в сфере научного обеспечения конституционного правосудия, хотя часто практические наработки опережают научные труды. Конституционная ценность представляет собой социальную ценность, которая, будучи закрепленной в конституционном тексте (как отдельное понятие или посредством правовых конструкций), начинает по-новому осознаваться обществом, в первую очередь профессиональной юридической элитой, – как особо значимая для общества ценность, имеющая особое правовое обеспечение. Если на реализацию и обеспечение ценности, т. е. на ее претворение в жизнь, направлены модели правового регулирования и ценность воспринимается через правовую форму ее защиты и обеспечения, значит она является конституционной.

Необходимо подчеркнуть, что указанные стадии (социальная ценность – обеспечение и защита посредством права, правовой формы – закрепление непосредственно в конституционном тексте (конституционная ценность) – функционирование в обществе в новом качестве), если моделировать, представляют собой не однолинейную цепочку, а спираль: социальная ценность обретает новое качество в процессе ее защиты и обеспечения посредством права и при закреплении в конституции достигает максимума по степени той защиты, которую может предоставить общество. «Конституционализируясь, соответствующие социальные ценности упорядочиваются, встраиваются в определенную иерархическую систему многоуровневых связей и корреляций, основанную на объективно существующем в государственно-организованном обществе социальном порядке в его социокультурном контексте, поскольку правовой социальный порядок, будучи системой связей прав и обязанностей, свободы и ответственности, выступает одновременно и действительным масштабom социальных ценностей» [12, 13]. Данным обстоятельством определяются высокая степень разработанности конституционалистами ценностной проблематики и особая востребованность аксиологического подхода при исследовании конституционно-правовых явлений и процессов.

В качестве основных правовых конструкций ценностного содержания, опосредующих системы определенных ценностей общества и традиционно закрепляемых в национальных конституциях (включая Конституцию Республики Беларусь), можно выделить такие, как правовое государство, демократия, суверенитет, социальное государство, права и свободы человека. Следует подчеркнуть, что система прав и свобод человека, базирующаяся на универсальных международных стандартах, выступает главным «ценностным блоком» национальных консти-

туций. Понимание человека, его прав и свобод как высшей ценности общества и государства, предопределяющей стратегию общественного развития, нашло закрепление и в Конституции Республики Беларусь, что не только соответствует мировым гуманистическим ценностным приоритетам, но тем самым выводит защиту прав и свобод человека на новый уровень, обеспечивая баланс и соразмерность ценностей в конституционном поле. Верховенство права выступает в качестве важнейшей конституционной ценности, основополагающего положения современного правового регулирования, так как закреплено как в национальных конституциях, так и во многих международно-правовых актах универсального и регионального уровня.

Использование в полной мере потенциала национальных конституций закономерно обуславливает процесс конституционализации права и правоприменения как одну из ключевых тенденций современного конституционного развития. Конституционные ценности прочно утвердились не только в научных исследованиях, конституционной доктрине, но и в практике конституционного правосудия, в том числе в нашем государстве. Так, проверяя закон, вносящий изменения в ряд законов по вопросам защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию, на соответствие Конституции Республики Беларусь, Конституционный Суд Республики Беларусь подчеркнул, что конституционно-правовой смысл норм данного закона выражается в их направленности на признание детства как конституционной ценности и государственную защиту прав несовершеннолетних в области информационных отношений. Государство в приоритетном порядке гарантирует детям защиту достоинства личности, права на жизнь, права на свободу и личную неприкосновенность, обеспечивая безопасность каждого ребенка от неблагоприятного воздействия на его нравственность и психику (решение от 3 мая 2016 г.).

При проверке конституционности закона, вносящего изменения в ряд законов по вопросам судостроительства и судопроизводства, Конституционный Суд отметил: «В решениях Конституционного Суда неоднократно указывалось на конституционные ценности, одной из которых является верховенство права. Раскрывая сущность верховенства права как важнейшего свойства правового государства, Конституционный Суд констатировал, что верховенство права включает необходимые элементы, имеющие формальное и материальное значение, к которым относятся в том числе доступ к правосудию в независимых и беспристрастных судах, соблюдение прав человека и равенство всех перед законом» (решение от 14 декабря 2016 г.).

Взаимосвязи, конституционно-правовой баланс, взаимодействие конституционных ценностей находились в центре внимания Конституционного Суда при проверке конституционности законов, вносящих

изменения в Законы «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» (решение от 28 декабря 2017 г.) и «О ветеранах» (решение от 4 ноября 2017 г.), Кодекса Республики Беларусь о недрах (решение от 6 июля 2016 г.) и многих других.

Как подчеркнул Конституционный Суд в Послании Президенту Республики Беларусь и палатам Парламента о состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2017 г., конституционализация общественных отношений осуществляется посредством утверждения верховенства права и развития конституционных ценностей в нормотворчестве и правоприменении (решение от 23 января 2018 г.).

Однако конституционный контроль действующего законодательства не исчерпывается простым сопоставлением и приведением последнего в соответствие с конституционной нормой. Благодаря решениям конституционных судов нормы конституций получают развитие своего содержания, становятся, по образному выражению Н.С. Бондаря, «живыми», т. е. осмысленными в степени, необходимой для «встроенности» в современную ситуацию (хотя сам термин живой, или саморазвивающейся, конституции (англ. living constitution) заимствован из системы общего права).

Ведущие европейские ученые выражают точку зрения об ответственности судей перед обществом в случае применения ими общих подходов, сложившихся в сфере правовой аксиологии, необходимости разработки методологии, позволяющей решить проблему опосредования социальных ценностей правом, включения новых социальных ценностей в конституции [14].

Значение решений конституционных судов как в выявлении и формулировании ценностного содержания важнейших правовых категорий, закрепленных в конституционном тексте, так и в «генерировании» и формализации конституционно-правового смысла конституционных ценностей сложно переоценить, учитывая ту особую значимость, которую имеют решения конституционных судов для национальных правовых систем.

1. Графский В.Г. Правовая коммуникация и правовое общение // Тр. Ин-та государства и права Рос. акад. наук. 2013. № 4. С. 25–36.

2. На шляху станаўлення беларускай нацыі: гістарыяграфічныя здабыткі і праблемы / В.В. Яноўская [і інш.]. Мінск, 2011.

3. Адуло Т.И., Павловская О.А. Человек в условиях социальных трансформаций: философско-антропологический анализ. Минск, 2001.

4. Мурашко Л.О. Аксиологическое измерение процесса правообразования. М., 2015.

5. Перепелица Е.В. Ценностные доминанты идеологии белорусского государства. Минск, 2006.

6. Пермяков Ю.Е. Философские основания юриспруденции. Самара, 2006.

7. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности / пер. с фр. В.А. Туманова. М., 1996.

8. Варламова Н.В. Типология правопонимания и современные тенденции развития теории права. М., 2010.
9. Алексеев С.С. Теория права. Харьков ; М., 1994.
10. Вовленко Н.Н. Сущность, принципы и функции права : учеб. пособие. Волгоград, 1998.
11. Кудрявцев В.Н. Право и поведение. М., 1978.
12. Бондарь Н.С. Конституционные ценности – категория действующего права (в контексте практики Конституционного Суда России) // Журнал конституц. правосудия. 2009. № 6. С. 1–11.
13. Бондарь Н.С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. М., 2013.
14. Шайо А. Конституционные ценности в теории и судебной практике: введение // Сравн. конституц. обозрение. 2008. № 4. С. 4–6.

УДК 340.12

Н.С. Нижник, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, начальник кафедры теории права и государства Санкт-Петербургского университета МВД России

АКСИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ПРАВОВОГО ДИСКУРСА ПОЛИЦЕЙСКОГО ГОСУДАРСТВА¹

Полицейское государство должно было стать средством создания «земного рая», страной всеобщего благоденствия и местом жизни счастливых людей. Начав историю в XVII в., полицейское государство пережило несколько этапов развития и своим дискурсивным и институциональным наследием определило специфику отдельных характеристик государств третьего тысячелетия.

Важной составляющей процесса формирования полицейского государства явилось обновление ценностных стандартов в правовой и социальной культуре: базовые социальные ценности (всеобщее счастье, общее благо, благополучие, порядок) закрепили статус конечных оснований (идеальных целей) и путеводных ориентиров в хаосе повседневных дел и забот. Притягательность и действенность идеальных и гармоничных социальных ожиданий и построений во время смены ценностных стандартов и переоценки ценностей существенно возросли. Начала формироваться специфическая система ценностей и средств их

¹ Публикация подготовлена в рамках научного проекта № 17-03-00719 «Модели правового обеспечения функционирования общественных организаций в политико-правовой системе России (последняя треть XVIII – первая треть XX в.)», выполненного при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований.

реализации, определяющих характер общественных отношений к государству, человеку, миру в целом, отражающих особенности взаимодействия власти и населения, оценку и способы взаимоотношений государственных органов и граждан в актуальной ситуации и долгосрочной перспективе. Всеобщее благо и всеобщее счастье были определены как высшая цель и ценность полицейского государства.

Полицейское государство по своей природе и форме существования неразрывно связано с полицией. Понятие *politia* проникло в Европу, имея смысл «обеспечение благополучия граждан полиса», «благое управление», и использовалось для закрепления обязанности государя заботиться о «добром порядке» [1] и достигать в государстве «состояния благополучия и спокойствия, являвшихся целью и результатом правильного управления» [2, S. 41]. В русский язык понятие «полиция» попало в XVIII в. в ходе государственно-правовых реформ Петра I. Его смысл – «состояние доброго порядка» – получил законодательное закрепление в имперской России при определении того, что полиция «особливое свое состояние имеет... есть душа гражданства и всех добрых порядков и фундаментальный подпор человеческой безопасности и удобства» [3, с. 195]. С расширительным толкованием понятия «полиция» как государственного управления и представлениями о функциях полиции максимально возможного в абсолютных монархиях объема было связано появление терминов «полицейское государство» и «полицейское право».

Содействие каждому человеку в его естественном стремлении к счастью, основанному на душевных, телесных и имущественных благах, было определено как предназначение государства и его высшая ценность одним из основоположников науки полицейского права Н. Деламаром [4]. Государство должно способствовать счастью каждого человека, полагал Н. Деламар, используя полицию – ведомство, приближенное к народу и обязанное заботиться о безопасности и благополучии граждан в публичных местах и в условиях домашнего проживания. Разделяя взгляды Ш. Луазо на полицию как на субъекта «права, регулирующего службу в интересах общего блага» [5, p. 16], Н. Деламар задачами полицейских органов считал доставление человеку счастья, а полицию характеризовал как организацию правления, смысл которой состоит в поддержании доброго порядка, все законы которой «не имеют иной цели, кроме общего блага общества» [4, Vol. 1, p. 2].

Убежденность в том, что цель государства – общественное благо-состояние и безопасность, демонстрировали Х. Томазий [6] и Х. фон Вольф [7–10], которые полагали, что цель личной и государственной жизни – счастье, средство его достижения – совершенствование личности и государства, а для благодетельствования граждан правительству